

Стихотворения А. А. Фета

Спб., 1856

Дружинин А. В. Литературная критика / Составление, подготовка текста и вступительная статья Н. Н. Скатова; Примеч. В. А. Котельникова. - М.: Сов. Россия, 1983. (Б-ка рус. критики).

OCR Бычков М.Н.

Мы предоставляем себе право в скором времени поговорить с читателем во всей подробности о замечательном поэтическом даровании г. Фета, взявши предметом статьи нашей все до этой поры известные публике его произведения. При появлении ныне вышедшего собрания лучших стихотворений этого поэта мы не можем, однако же, не высказать нескольких замечаний, не передать нескольких мыслей, хотя бы в виде введения к будущему труду нашему. Такие книги не часто выходят из типографий, такие поэты не всякий год даются той или другой словесности, хотя бы из числа самых богатых в Европе. Голос добросовестной критики обязан встречать подобные явления как можно своевременнее. Поэтому и мы поднимаем наш негромкий голос, выговаривая себе право снова и снова возвращаться к писателю, который так для нас дорог, - к поэту, доставившему нам надолго столько истинно сладких мгновений.

Признаемся с полной откровенностью - судьба книжки, ныне лежащей перед нами, интересует нас до крайности. Имя Фета давно знакомо всем людям с изящным вкусом, всем дилетантам по части чистого искусства, всем читателям, способным понимать живую поэзию, свободно выливающуюся из души симпатического смертного; но все-таки нам кажется, что большинство нашей публики еще не высказалось относительно поэта нашего. В Англии, в Германии, у нас во время Пушкина книжка, о которой говорим мы, выдержала бы несколько изданий в самое короткое время, так она пленительна и оригинальна, так богата она сокровищами самой ясной, самой благодатной поэзии. А в настоящее время - успех стихотворений Фета есть еще для него дело загадочное. Нет сомнения в том, что книжка разойдется быстро, что она доставит многим людям много наслаждения, но такой результат, лестный для многих даровитых стихотворцев, не покажется нам результатом вполне удовлетворительным. Книжку Фета мы хотели бы видеть расхваченною в несколько дней, изданною вновь и вновь в разных форматах, мы хотели бы встречать ее на всех столах и во всех библиотеках, нам желательно, чтоб ей нашлось место в порт-саке дорожного человека, и в кармане молодой девушки, и на дачном балконе, и в классном пюпитре студента, и в портфеле занятого чиновника. Поэт, способный сказать всякому читателю столько нового, светлого и отрадного, имеет законное право на полное сочувствие со стороны каждого читателя. Для чего преклоняться перед иноземным, если у нас есть свое, может быть, получше иноземного. Если цветистый и напряженный англичанин Альфред Теннисон выдержал десять изданий, то почему же А. А. Фету (принимая в соображение меньшее число читающего класса в России) не иметь десяти изданий. Мы сейчас собирались принять в соображение меньшее число читающей русской публики, сравнительно с английской, мы его и приняли. Если масса покупателей англичан значительно обширнее массы покупателей русских - зато, по нашему полному убеждению, светлое дарование Фета далеко оставляет за собой вычурное дарование Альфреда Теннисона.

Итак, мы боимся, что публика наша может не оценить новой книжки стихотворений г. Фета по достоинству, но поспешим же прибавить к отзыву нашему одно оправдание для русской публики. Не из неразвитости и не из холодности наша публика может не оценить поэта, о котором здесь говорится, - эта самая публика обожала талант Пушкина, раскупала стихи Лермонтова и списывала своей рукой экземпляры комедии Грибоедова. Но не забудем того, что читателей наших - вообще немного шатких и насмешливых - наша критика и журналистика в течение долгих лет усиленно отвращали от сочувствия к делу поэзии. В деле по преимуществу деликатном, в воззрениях тонких по существу своему читатель был запутываем, сталкиваем с прямого пути, развлекаем и заблуждаем. С одной стороны, его заставляли преклоняться перед поэтами, не имевшими никакого поэтического дара, с другой стороны, его сушили неодидактическими теориями, по свойству своему враждебными всякому проявлению искусства чистого. Один журнал возглашал, что публика должна преклониться перед русским Гете, господином таким-то; другой журнал, в то же самое время, опровергал все заслуги русского Гете, именуя его русским Бавием¹. Там публике говорили, что в деле стихотворства нет середины между всем и ничем, гением и бездарностью, возвышенной дидактикой и гаэрством; в другом месте провозглашалась решительная